

СЕМАНТИКА ЦЕЛОСТНОСТИ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ ГОРОДСКОГО ЦЕНТРА

А. Е. Гашенко

Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств, Россия

Архитектурно-градостроительная морфология городского центра рассмотрена в статье в виде целостного явления, имеющего топологическую локализацию, структуру своего текста и семантику, проявленную в рефлексии наблюдателей. Предпринята попытка раскрыть сущность целостности как системной характеристики в предметно-архитектурном ракурсе, показать виды её проявления на различных примерах. Описан синтаксис городской морфологии и показано её влияние на восприятие центральности.

Ключевые слова: целостность, центр города, городская морфология, восприятие, городская среда.

SEMANTICS OF INTEGRITY OF CITY CENTER

Anton Gashenko

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts, Russia

Urban morphology of the city center is considered as an integral phenomenon. Their topology localization, structure and semantics of own text is represented in the observers reflection. I attempt to reveal the essence of the integrity as characteristics of a system in architectural context and show the types of its manifestation in the various examples. The article describes a syntax of urban morphology and its influence on the perception of centrality.

Keywords: integrity, city center, urban morphology, perception, urban environment.

Целостность как научная категория является одним из понятий, содержание которых обычно не раскрывается в прикладном ракурсе. Считается, что целостность – нечто такое, смысл чего априори ясен и не требует расшифровки. Между тем, в профессиональном дискурсе, особенно в архитектурно-урбанистическом, понятие целостности фигурирует достаточно часто, и не только в образно-

эстетическом аспекте, но даже в утилитарно-функциональном. Применительно к городу используются словосочетания «целостность застройки», «целостность городской среды», которые рассчитаны на понимание некоего единства и комплексности. Однако же при попытке разобраться, в чём же состоит сущность целостности, в чём она выражена и как её можно зафиксировать, мы наталкиваемся на целый ряд вопросов, решить которые не так просто, как кажется на первый взгляд.

В данном исследовании нами предпринята попытка разобраться в том, что представляет собой целостность архитектурно-градостроительной морфологии городского центра. Это достаточно узкий вопрос, требующий рассмотрения 1) центра города как специфического социально-пространственного феномена; 2) его предметной морфологии (городское пространство как визуальное); 3) целостности проявления двух первых составляющих. В этом порядке нами поставлены соответствующие задачи исследования.

Проблематика визуальной целостности городской среды становится более осязаемой именно в том случае, когда речь идёт о центре города. С одной стороны, целостность центра (её наличие) интуитивно очевидна. С другой стороны, попытка рационально объяснить её на конкретных примерах не всегда бывает успешной: разнообразие типов морфологической организации городских центров говорит о сложности составления целостной «картины» пространства. Если речь идёт о таких городах, как Санкт-Петербург или Нью-Йорк, такой проблемы не возникает, так как ярко выраженная архитектурная идентичность их среды лишний раз убеждает нас в её единстве. Однако в городах с рыхлой или политипологической структурой застройки центров наличие целостности объяснить гораздо сложнее. Таким городом является, в частности, Новосибирск, на примере которого будет раскрыта локальная проблематика обозначенной темы.

Теоретическая значимость исследования состоит в разрешении проблемы идентификации целостности морфологии городского центра – в определении тех предметно-пространственных маркеров, которые формируют семантику целостности. В свою очередь, прагматическая направленность исследования также требует предъявления узкопрофессиональных (архитектурно-градостроительных) инструментов формирования морфологической целостности среды.

В основу исследования нами положена гипотеза о том, что семантика целостности морфологии городского центра обусловлена

прежде всего качеством предметной среды на микроуровне, а лишь затем – стилистикой застройки и её планировочной организацией.

Вопросы природы пространственной целостности и её топологии, в том числе локальной, в отечественных исследованиях только начинают разрабатываться [Шубенков 2006; Бегеза 2014]. В основном учёные описывают пространственную целостность косвенно, через призму социальной микрогеографии – это работы по выявлению внутригородских вернакулярных районов [Павлюк 2015] или по использованию ментальных карт [Веселкова 2010; Филько 2015]. Однако указанные направления исследований затрагивают городское пространство как распределенный континуум, во всём его многообразии. А собственно визуальное чаще всего рассматривается вне контекста территориальной дифференциации и локальной топики – образ города изучается в целом, без деления на районы, «зоны» или какие-либо другие условно ограниченные территории. Работы по исследованию образа города методами семантических дифференциалов не акцентируют внимание на микротопологию частей этого образа. Поэтому можно утверждать, что центр города как специфически визуальный целостный феномен (с акцентом на природу и границы целостности) ранее не рассматривался.

Актуальность этой темы в последнее время приобретает всё большее значение, так как постсоветские паттерны воспроизводства городской среды формируют новую целостность, качество которой подвергается резкой общественной и профессиональной критике и нуждается в исследовании. Центр города, являясь носителем и транслятором культурных норм, представляет собой первостепенный интерес.

Городской центр как социально-пространственный феномен может быть рассмотрен нами в нескольких смысловых ракурсах: 1) как вернакулярный внутригородской район, воспринимаемый жителями в оппозиции к периферии; 2) как узкопрофессиональный модельный конструкт урбанистов (архитекторов, градостроителей), трактующих центр в качестве ареала концентрации социальной активности и общественных функций; 3) как видимое (архитектурно-средовое) проявление лучших культурных образцов городского пространства. Во всех трёх ракурсах границы того, что понимается под центром, не совпадают (это будет показано нами далее).

Границы центра как вернакулярного района обычно охватывают самую обширную по площади территорию, особенно в восприятии жителей срединных и периферийных районов [Бегеза 2014, 84];

лишь крупные естественные рубежи (реки, полосы отвода железной дороги) чётко фиксируют эти границы. Выявить их помогает метод анализа ментальных карт, когда респонденты изображают границы «с чистого листа» – по своим собственным представлениям, не «ограниченным» наблюдениями реальной топографии на карте города.

Среди градостроителей и архитекторов представления о центре города сформированы профессиональным пониманием сущности центра. Основой этого понимания выступают социально-функциональные процессы, происходящие в центральной зоне. В этом случае центр предстаёт в форме каркасно-узловой структуры, тяготеющей к главным улицам и площадям с наибольшей социальной активностью и поэтому не совпадает с «центральным районом» в обывательском смысле.

Другой (исторически более традиционный) смысловой контекст профессионального видения центра проявляется в выделении композиционно-ансамблевой структуры территории. Центр предстаёт в виде не просто лучших, а «кристаллизованных» проявлений архитектурно-градостроительной культуры. Принципы построения ренессансных и классицистических архитектурных форм транслируются в качестве критериев оценки любой архитектурной среды, вплоть до авангардной. Несмотря на то, что такое прочтение центральности уже ближе к визуальному ракурсу рассмотрения города, свойственный данному взгляду перфекционизм оставляет за рамками ту центральную среду, которая не соответствует классическим стандартам градостроительства, да и вообще при «взгляде сверху» никак не проявлена: «хорошо известно, какую магическую силу имеет для архитектора рисунок плана. И если говорить о профессии в целом, а не об отдельных её представителях или направлениях, то нет сомнения в том, что и сегодня ориентация на орнамент чертежа остаётся скрытой, но наиболее действенной формой градостроительного творчества. Причём конфликту между профессиональным сознанием и действительностью время придает всё более драматический характер» [Гутнов 1988, 110].

Наконец, при попытке определить центр как морфологическое видимое (то есть выявить в городской среде те участки архитектурно-предметной среды, глядя на которые можно сказать: «это центр») мы сталкиваемся с проблемой вычленения непосредственно того визуального, которое, во-первых, обусловлено социальными процессами (как происходящими сегодня, так и бывшими когда-то), а во-вторых, оттеняется этими самыми социальными процессами –

а они бросаются в глаза прежде, чем складывается впечатление о предметной среде в прагматическом аспекте. Движение пешеходов и автомобилей, динамика городской жизни как таковая влияет на восприятие городской морфологии непосредственным образом, акцентируя значимость предметной среды (там, где есть эта динамика) и нивелируя её (в тех местах, которые выключены из бурной социальной активности). В этом ракурсе интересна феноменология восприятия «празднично-классицистических» архитектурных объектов, когда-то активно действующих, но ныне находящихся «в затишье», «на задворках» социальной жизни. В этом – конфликт восприятия «видимого» центра и «активно-социального».

Что же представляет собой собственно визуальное, что формирует восприятие предметной среды? Какова структура архитектурно-градостроительной среды как пространственного текста и каков его специфический синтаксис? И что является специфичным для центра города?

Логичным представляется декомпозировать средовую предметность сразу в прагматическом ракурсе, в соответствии с различными видами деятельности по её созданию и поддержанию. Так, можно выделить градостроительный, архитектурный и средовой компоненты пространства, которым свойственна как различная степень зависимости от функционально-социальных факторов, так и различная степень влияния на визуальное восприятие.

Градостроительный компонент пространственной организации формируется несколькими типами паттернов (пространственно-планировочных прототипов). Во-первых, конфигурация уличной сети (или собственно планировка) города [Marshall 2005] характеризует ритмичность и характер пространства на макроуровне, что непосредственно не бросается в глаза, но косвенно влияет на складывание образа территории. Во-вторых, типология застройки (морфотип, включающий такие характеристики, как этажность и плотность застройки, принцип формирования фронта улицы и пр.) более явно прочитывается в пространственной средовой канве. С этих позиций центр города в большинстве случаев характеризуется более мелкой сеткой улиц и более плотными морфотипами. Это, пожалуй, всё, что можно перечислить как теоретические, присущие всем центрам признаки на данном уровне, поэтому данные факторы не оказывают большого влияния на специфичность его восприятия.

Архитектурный компонент пространства более подробно описан в семиотической теории города [Эко 2006 и др.], но можно перечислить базовые маркеры архитектурного синтаксиса: размеры

и структура фасада, частота его членений, пропорциональный строй оконных и дверных проёмов, стилистическое своеобразие, текстуры и многие другие. Для центра города специфичность архитектуры не может быть формализована в общем виде: она локальна для различных городов. В исторических поселениях архитектура центров представлена «традиционными» стилевыми направлениями, общим признаком которых является мелкий масштаб и визуальная плотность фасадных структур. В городах, построенных в идеологии модернизма, «центральная» архитектура сформирована уникальными и просто типологически иными, нежели на периферии, зданиями. Вообще, модернистская архитектура в достаточной степени индифферентна к феномену центральности (что, к слову, является логичным следствием того, что модернистский город – и не город вовсе [Глазычев 2008]). Пожалуй, универсальным признаком центральности для всех типов городов можно назвать качество архитектурных решений и применения материалов (что, впрочем, тоже весьма сложно формализовать).

Средовой компонент пространства представлен тем, что учёные называют «плазмой города» [Гутнов, Лежава 1977] или «визуальными дискурсивными маркерами» [Фёдоров, Левиков 2014]: это элементы дизайна архитектурной среды – киоски и автобусные остановки, малые формы, наружная реклама [Чубарь 2014, 58], вывески организаций, а также элементы благоустройства. Это самый богатый с семантической точки зрения набор индикаторов пространства, однозначно репрезентирующий тот или иной локалитет. Он почти полностью зависит от социально-функциональных условий существования локальной среды. Маркеры центра города на этом уровне – повышенная плотность упомянутых объектов «плазмы», более высокое качество элементов благоустройства – газонов, тротуаров, дорожных одежд. В российских городах своеобразным критерием принадлежности к центральной среде в постсоветский период стало наличие тротуарной плитки в пешеходных зонах, в противовес повсеместно применявшемуся ранее асфальтобетону. «Но Питеру можно всё простить за его тротуары! Вы посмотрите на это чудо. Почти все тротуары в центре вымощены шикарной плиткой и гранитными плитами. Гулять по Невскому – одно удовольствие! Каждый камень здесь дарит тепло и надежду на светлое будущее жителям», – иронично пишет блогер Илья Варламов [Прогулка 2012].

Самым сложным для описания представляется понятие целостности, которое как категория системологии практически не разработано в архитектурно-градостроительном дискурсе. Поэтому нам

придётся обратиться к общенаучным трактовкам этого понятия и сконструировать его концепт применительно к морфологии города.

Понятие целостности в самом общем виде основывается на теории систем и множеств, при этом от множеств отличается наличием связанности, а от простых систем – качеством этих связей [Смирнов 1979, 95; Блауберг 1977, 8]. Несмотря на значительно бóльшую разработку понятия целостности в системологии, краткой и ёмкой его дефиниции нами обнаружено не было (нередко учёные склоняются к неформализуемости этого понятия [Блауберг 1977, 27]). Даётся, в частности, следующая трактовка: «Целостность (wholeness, die Ganzheit, la intégrité) – представления о полноте охвата явлений и вместе с тем о сущности интеграции, процессах преобразования, структурных уровнях, иерархической организации процессов и явлений и т. п., существующие в каждый данный момент в философском и научном познании» [Блауберг 1977, 26].

Целостность в различных методологических контекстах выступает «и как свойство, и как признак, и как принцип» [Крейк и др. 2014]. Обобщая и адаптируя рассмотренный материал для прикладных задач, дадим упрощённую дефиницию понятия целостности.

Целостность – это наличие качественных отношений элементов внутри системы, задающих её интегративность. Интегративность же означает «принципиальную несводимость свойств феномена к сумме свойств составляющих его частей и невыводимость из последующих свойств целого» [Крейк и др. 2014].

Для нас важным является применение понятия целостности в профессиональном аспекте – для фиксации этого явления в морфологии города.

Понятие целостности как характеристики архитектурной среды в специальной литературе также не формализовано в качестве строгого определения. В частности, говорится, что «целостность – одно из центральных понятий архитектурной теории, опирающееся на представление о градостроительном объекте как органичной “живой” системе, где каждый элемент отражает свойства или часть свойств целого, существование и развитие этого элемента есть условие существования и развития целого, а его деформация ведёт к серьёзному ущербу или даже разрушению всей системы» [Шимко 1990, 101]. Указывается, что целостными являются объекты, отвечающие требованиям *ограниченности, связности и компактности*.

Рассматривая явление гармоничной целостности, В. Т. Шимко предлагает следующие его признаки: 1) повторяемость целого в его

частях; 2) соподчинённость частей в целом; 3) соразмерность частей в целом; 4) уравновешенность частей целого; эти четыре признака автор объединяет в синтетический пятый – принцип единства визуальной организации объекта [Шимко 1990, 102].

Вместе с тем, следует отметить, что целостность, являясь положительной системной характеристикой, может описывать среды различного качества: как структурного (здесь затруднением является наличие феномена архитектурного ансамбля, которому априори приписывается качество целостности при неформализуемости универсальных правил его геометрического построения [Русанов 2000, 13]), так и материально-витального (среда может быть структурно целостной, но по существу дискомфортной). Это усугубляет проблему целостности в сравнении, например, центральных сред Новосибирска и Санкт-Петербурга.

Вышеперечисленное наводит на мысль о том, что существует два основных проявления целостности – 1) целостность идентичности и 2) ансамблевая целостность, в основе которых лежат два различных качества отношений между элементами.

Целостность идентичности, на наш взгляд, составлена на основе отношений *тождества*, когда ведущим признаком выступает повторяемость набора свойств элементов целого. Рассматривая феномен идентичности Петербурга, М. А. Мамошин приводит около 40 её признаков, среди которых такие (на первый взгляд, незаметные, но достаточно выразительные), как незначительная кривизна правильной геометрии улиц, обязательное наличие цоколя у зданий, вертикальное решение оконных проёмов и многие другие [Мамошин 2016]. Из универсальных признаков идентичности можно указать такие, как этажность, масштабность застройки (обусловленная размерами участков – прагматических индикаторов морфологии), наличие первых общественных этажей с окнами-витринами и т. д.

Ансамблевая целостность имеет более сложную природу, поскольку составлена отношениями *подчинения*, связывающими не только сами физические объекты и их свойства, но и нематериальные композиционные элементы – оси, их пересечения, пустые пространства и т. д.

Такое понимание синтаксиса архитектурно-градостроительной целостности делает более понятным её проявление в средах конкретных городов. Петербург в этом контексте предстаёт как пример наивысшего проявления и гармонически-логичного сочетания двух рассмотренных видов целостности: исследователями отмечаются

уникальность его идентичности в подчинении общей ансамблевости (последняя традиционно ставится на первое место). Москва, как антипод Петербурга, – город с политипологической структурой и эволюционными процессами складывания среды – также сочетает в себе два проявления целостности, однако, в отличие от Петербурга, её синтаксис более неустойчив и неочевиден. Тем самым на соотношении идентичности и ансамблевости, яркости их выражения и чёткости синтаксиса проявляется разница целостности морфологии различных поселений. Так, например, специфична среда социалистических «городов-ансамблей», получивших импульс развития на волне индустриализации. Их центр отчётливо выделяется сформированной в указанный период классически-парадной структурой, оттеняя малоурбанизированную идентичную застройку¹.

На примере центра Новосибирска опишем семантику его целостности, придерживаясь методики В. Г. Афанасьева. Для этого необходимо раскрыть: 1) действительный источник и начало его возникновения; 2) преемственность, внутреннюю связь данного целого с предшествующим целым; 3) его состав, т. е. количественную и качественную характеристику образующих его частей, компонентов; 4) его структуру, т. е. характер взаимосвязи компонентов; 5) координацию и субординацию его частей [см.: Ганзен 1974].

Та территория, которую сейчас можно идентифицировать как центр Новосибирска, начала застраиваться в начале XX века, изначально по принципу идентичности. Так называемый «план Кузнецова» (рис. 1 а) формировался тремя планировочными сетками – Центральной, Вокзальной и третьей, Закаменской (которая, будучи отрезанной естественной границей – рекой Каменкой, получила

¹ Очень узнаваемо образ соцгорода показан в песне Б. Гребенщикова «О смысле всего сущего»:

Человеческая жизнь имеет более одного аспекта.

В городе Таганроге есть два Звёздных проспекта.

На одном – небеса зияющие,

и до самого Волго-Дона

возвышаются сияющие

дворцы из шлакобетона.

И по нему каждую пятницу,

как выйдут со смены из шахты,

маршируют белозубые

космонавты.

А на другом все дома в полтора этажа

и по истоптанной траве гуляет коза.

День проходит и два проходит,

верёвка перетёрлась, но коза не уходит;

ей совершенно некуда идти,

она смотрит в небеса и шепчет: «Господи, прости!».

периферийное значение, не преодоленное по сей день)². Основой архитектурной идентичности «плана Кузнецова» была усадебная застройка, которая по мере быстрого роста города стала «разбавляться» новыми «маркерами» – общественными зданиями, культурными сооружениями и школами, построенными по проектам томского архитектора Андрея Крячкова. Эти «маркеры» задавали границы центральной части, семантически «цивилизованно освоенной» территории. На уровне «городской плазмы» признаками центральности были дощатые тротуары.

В процессе эволюции центральная зона города претерпела множество наложений различных пространственных паттернов и сейчас имеет политипологическую структуру. Для её исследования нами были выделены локально-целостные градостроительные образования – элементарные территориальные единицы, обладающие свойствами целостности [Гашенко, Ерохин 2014]. На рис. 1 в представлена интегральная схема отражения пяти показателей целостности – архитектурного, стилистического, социального, семантического и функционального – на элементарных территориальных единицах, сформированных «тканевыми» паттернами.

Архитектурная целостность фиксирует связи между объёмно-планировочными характеристиками застройки и выражается в морфотипе или специфическом ансамблевом решении территории.

Стилистическая (средовая) целостность составлена свойствами архитектурной «плазмы» – материалами, фактурой, фасадными решениями на микроуровне.

Социальная целостность формируется принадлежностью территории к социальным группам различного характера – профессионального, доходного, этнического и других.

Функциональная целостность описывает принадлежность объектов территории к каким-либо урбанистическим процессам.

Семантическая целостность выражается значениями территории, прямо или косвенно связанными с другими факторами, но выделенными в самостоятельный урбанистический текст. В первую очередь, это народная микроурбанонимия – именованья мест и районов города («Тихий центр», «Золотая Нива», «ЦУМ» и пр.).

Показатели целостности в каждом из пяти аспектов назначались экспертным путём по условной трёхбалльной шкале³. Данная

² Современная центральная зона, показанная на иллюстрациях, исключает третью, Закаменскую часть города.

³ 3 балла – полная целостность, 2 балла – нарушенная целостность, 1 балл – минимальная или отсутствующая целостность.

схема свидетельствует о том, что наиболее целостные участки наблюдаются на монофункциональных территориях и в отдельных объектах-зданиях. На рис. 1 *г* показатели целостности базовых элементов спроецированы и суммированы (пропорционально площадям) на локальные элементы бóльшего структурного масштаба, образованные планировочными паттернами – кварталами, микрорайонами. Здесь наблюдается уже другая картина: наиболее целостны кварталы в зоне функционального каркаса. Также можно увидеть влияние компактности и плотности среды на степень целостности (которая увеличивается с ростом указанных факторов).

Для анализа границ целостности городского центра как единого социально-пространственного феномена (то есть в масштабе городского района) необходимо пользоваться иными методами, так как суммирование показателей базовых элементов (кварталов) нельзя применять, во-первых, в силу интегративных качеств целостности (несводимости целого к сумме его частей), а во-вторых, в силу различия качеств локальных участков среды.

На рис. 2 *а* показаны результаты исследования восприятия центра города по методике К. Линча⁴, на рисунке 2 *б* – с использованием метода анализа ментальных карт⁵ (контуры центра, предложенные респондентами, сведены в единое градиентное пятно). Результаты в целом дублируют друг друга, однако анализ ментальных карт выявил несколько бóльший охват территории некоторыми респондентами.

Вместе с этим было проведено исследование по определению границ «архитектурного», «видимого» центра (для ответа респондентам была предложена топографическая основа). Респондентам было предложено изобразить границы центра как визуальной архитектурно-предметной среды (графически ответить на вопрос «что для вас архитектурный центр?»). Данные студентов-градостроителей (17 респондентов, рис. 2 *в*) и профессионалов (6 респондентов, рис. 2 *г*) практически совпадают (меньший размер «пятна» студентов можно объяснить меньшим опытом городского проживания). Однако принципиальным, на наш взгляд, является несовпадение границ «общесоциального» и «архитектурно-видимого» центра. Последний тяготеет к социально-функциональному каркасу, что

⁴ Исследование студентки Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии Дарьи Кисельниковой, рук. И. Ю. Сморгоч (2013 г.), архив кафедры градостроительства и ландшафтной архитектуры Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств.

⁵ Авторское исследование среди студентов-градостроителей 4 курса Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств, 2016 г. (19 респондентов).

говорит нам о ведущем влиянии этого фактора на восприятие городской формы⁶. Кроме того, «визуальный» центр охватывает участки с различной архитектурной и градостроительной типологией, что не позволяет говорить о ведущем влиянии идентичности или ансамблевости одной лишь архитектуры и уличной планировки.

Какая же общность наблюдается у всего ареала «визуального» центра? Можно выделить несколько признаков идентичности. Первый – общая обустроенность, «обжитость» предметной среды. Видимым образом она проявляется в визуальном разнообразии – даже в местах с модернистской архитектурой, концептуально отрицающей такое разнообразие. Второй признак – наличие рекламы и визуального «шума» (этот признак лишний раз напоминает о несовпадении системно-структурных и субстанциальных качеств целостности). Третий – качество среды как таковой: нахождение построек с лучшей (в том числе исторической) архитектурой, применение более совершенных дорожных и тротуарных одежд.

Таким образом, в результате проведённого исследования, можно сделать следующие **выводы**:

1. Центр города как социально-пространственный феномен имеет несколько смысловых интерпретаций, среди которых выделяются представления о нём 1) как о вернакулярном внутригородском районе, охватывающем в рефлексии жителей значительное пространство, 2) как о профессиональном концепте средоточия социальной активности и общественных функций, 3) как о «визуальном» отражении центральности через архитектуру и дизайн городской среды. Топология границ на локальных примерах во всех трёх случаях не совпадает.

2. Структура морфологии городского центра достаточно разнообразна на примерах отдельных городов и фиксируется на трёх масштабно-структурных уровнях: градостроительно-планировочном (где центр характеризуется плотностью уличной сети и застройки), архитектурном (где отмечается визуальное разнообразие и качество архитектуры) и средовом (на котором центр проявляет себя через элементы благоустройства, наружной рекламы и городской навигации).

3. Целостность архитектурно-градостроительной морфологии городского центра определяется перечисленными выше факторами,

⁶ Влияние социального фактора на восприятие среды хорошо проявляется на примере Кемерово и подобных социалистических городов-ансамблей. Их архитектурная морфология, будучи «празднично-торжественной», но при этом социально опустошённой в советский период [Клевакин 2008, 42], сейчас наполняется жизнью и переходит в новое качество, уподобляясь европейской старгородской среде.

влияние которых ранжировано от бóльшего к меньшему, начиная со средовых характеристик. «Визуальные дискурсивные маркеры» на микроуровне наиболее полно репрезентуют центральность городской среды. На более крупных масштабных уровнях целостность предполагает два принципа своей организации: *идентичность* (объединяя в себе элементы на основе отношений тождества) и *ансамблевость* (на основе отношений подчинения).

Тем самым, в прагматическом ракурсе, регулирование центральности городской среды необходимо в первую очередь на микроуровне: через повышение уровня благоустройства, создания «дизайн-кодов» размещения наружной рекламы и уличных вывесок, упорядочивания парковочного пространства и лишь затем – средствами архитектуры и градостроительства, имеющими меньший вес в восприятии центральности.

Проведённое исследование, на наш взгляд, представляет собой лишь первое приближение к пониманию семантики целостности городской морфологии. Требуется глубокая и разносторонняя проработка этого вопроса на междисциплинарном уровне с привлечением эмпирических исследований в области урбанистики, социологии, психологии и визуальной семиотики.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бегеза 2014 – *Бегеза С. Е.* О целостности городской среды // Вестник ИрГТУ. 2014. № 8 (91). С. 82–85.
- Блауберг 1977 – *Блауберг И. В.* Целостность и системность // Системные проблемы. Методологические исследования. Ежегодник. Москва, 1977. С. 5–28.
- Веселкова 2010 – *Веселкова Н. В.* Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 5–29.
- Ганзен 1974 – *Ганзен В. А.* Восприятие целостных объектов. Ленинград, 1974.
- Гашенко, Ерохин 2014 – *Гашенко А. Е., Ерохин Г. П.* Состав и структура локально-целостного градостроительного образования // Региональные архитектурно-художественные школы: Материалы Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2014. С. 21–26.
- Глазычев 2008 – *Глазычев В. Л.* Урбанистика. Москва, 2008.
- Гутнов 1988 – *Гутнов А. Э.* Развитие города и любовь к геометрии // Вопросы географии. Сб. 131. Москва, 1988. С. 108–118.

- Гутнов, Лежава 1977 – Гутнов А. Э., Лежава И. Г. Будущее города. Москва, 1977.
- Клевакин 2008 – Клевакин А. Н. Сибирский город в эпоху перемен. Новосибирск, 2008.
- Крейк и др. 2014 – Крейк А. И., Елисеева Е. А., Комф Е. В. К проблеме определения понятия «целостность» // Современные проблемы науки и образования: Электронный научный журнал. 2014. № 4. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14310>.
- Мамошин 2016 – Мамошин М. А. Архитектурно-градостроительная идентичность Петербурга // Архитектурный Петербург: Информационно-аналитический бюллетень. 2016. № 1 (38). С. 12–13.
- Павлюк 2015 – Павлюк С. Г. Методика дифференциации городского пространства (на примерах городов России, Западной Европы и США) // Региональные исследования. 2015. № 2 (48). С. 26–36.
- Прогулка 2012 – Прогулка по Санкт-Петербургу. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://varlamov.ru/674149.html>.
- Русанов 2000 – Русанов Г. Е. Архитектурный ансамбль в структуре исторически сложившегося города. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора архитектуры. Санкт-Петербург, 2000.
- Смирнов 1979 – Смирнов Г. А. Основы формальной теории целостности (часть первая) // Системные проблемы. Методологические исследования. Ежегодник. Москва, 1979. С. 91–127.
- Фёдоров и др. 2015 – Фёдоров В. В., Фёдоров М. В., Коротаева З. В. Семантический потенциал архитектурно-ландшафтной среды // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 4 (6). С. 47–64.
- Фёдоров, Левиков 2015 – Фёдоров В. В., Левиков А. В. Городское пространство как система визуальных дискурсивных маркеров // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 1 (3). С. 51–55.
- Филько 2015 – Филько А. Визуальное восприятие образа города и методы его исследования // Урбанистика. 2015. № 3. С. 1–15.
- Чубарь 2015 – Чубарь П. И. Визуальная селекция восприятия городского пространства // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 1 (3). С. 56–59.
- Шимко 1990 – Шимко В. Т. Архитектурное формирование городской среды. Москва, 1990.
- Шубенков 2006 – Шубенков М. В. Структура архитектурного пространства. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора архитектуры. Москва, 2006.

Эко 2006 – Эко У. Отсутствующая структура. Санкт-Петербург, 2006.

Marshall 2005 – *Marshall Stephen*. Streets & Patterns. London and New York, 2005.

Материал поступил в редакцию 09.06.2016

Рис. 1. Центр города Новосибирска: а) в кварталах «плана Кузнецова»; б) в модельной интерпретации урбанистов; в) в разрезе элементарных локально-целостных образований различной степени целостности; г) в разрезе планировочных локально-целостных образований. На схемах в и г увеличение степени целостности показано тональным градиентом от светлого к тёмному

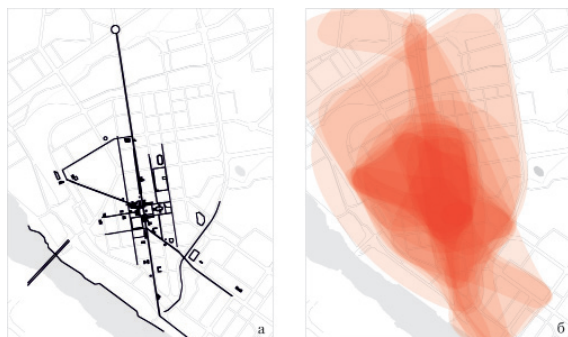
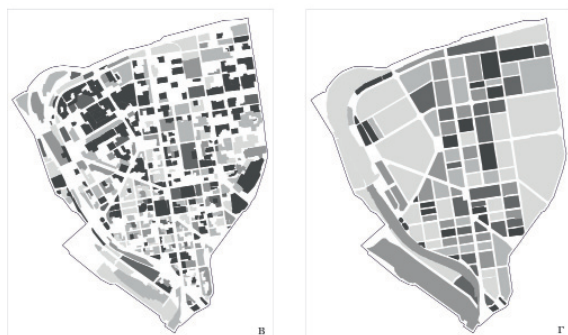

Рис. 2. Восприятие центра Новосибирска: а) по методу К. Линча; б) на основе анализа ментальных карт; в) и г) как визуального архитектурного феномена (студентами и профессионалами-архитекторами соответственно)

